

К. ЦУКЕРМАН

ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПО ДАННЫМ *NOTITIAE EPISCOPATUUM* *

Имперское тысячелетие в Северо-Восточном Понте.

Преступая границы традиционной периодизации, I-XI вв. образуют в Понтийском регионе единый исторический период. Побережье Черного моря становится сценой драмы в трех актах, разыгранной двумя актерами, которые на протяжении тысячелетия лишь меняли костюмы: Империя, будь она Римской, Позднеримской или Византийской, и кочевники, известные под множеством имен.

В первом акте молодая Римская империя в ходе консолидации своих границ по Дунаю и своей власти над союзными кавказскими царьками сталкивается с мощной волной миграции из Центральной Азии под предводительством алан. В конце I – начале II вв. Рим отвечает на нее усилением военного присутствия по всему периметру Черного моря, включая его малодоступную восточную оконечность. Набеги готов во второй половине III в. ослабляют хватку империи в регионе, который она так и не успевает вновь себе полностью подчинить до последовавшего столетие спустя нашествия гуннов. Второй акт начинается на апогее «Поздней Империи», в начале царствования Юстиниана, когда имперские силы восстанавливают плацдармы на Боспоре и в Лазике, а затем закрывают брешь между обоими регионами за счет экспансии на восток, в Зихию. Империя теряет большую часть этой территории во второй половине VII в., когда новая волна миграции с Востока, спровоцированная хазарами, накрывает Понтийские степи. Другим переселенцам – болгарам, венграм, печенегам – удается завладеть частями черноморского побережья, но хазары остаются главной силой. Падение Хазарского каганата в 960-х гг.

* Англоязычный вариант статьи опубликован: Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the *Notitiae episcopatuuum* // La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar / Ed. C. Zuckerman (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 25). Paris, 2006, p. 201-230.

возвещает начало третьего акта, в котором, по мере ослабления Болгарии, почти весь Черноморский регион вновь попадает под военное или политическое влияние Византийской империи. Затем, с середины XI в., другая группа кочевников из Центральной Азии, тюрки-огузы, преграждает эту экспансию, разрушая, теперь уже окончательно, имперские амбиции в регионе.

Нашествия кочевников в Понтийские степи не начались и не закончились в первом тысячелетии нашей эры. Однако этот период выделяется стабильным присутствием единой власти, осуществляемой из Рима или из Константинополя, которая, испытав удар, была затем способна восстановить утерянные позиции. В период Восточной империи приливы и отливы византийского гражданского и военного присутствия в регионе сопровождались, а иногда и предвосхищались фазами активности имперской церкви. Каковыми бы ни были изначальные успехи апостола Андрея, поддержание христианства на восточном и северном побережье Черного моря постоянно требовало дополнительных усилий. Впрочем, в данной статье нас интересует не деятельность миссионеров, а два случая ее превращения в церковные структуры – епископские кафедры и митрополии – в контексте усиления имперской власти в регионе.

Региональные структуры Византийской церкви систематически описываются в табелях о рангах, *τάξεις*, чаще обозначаемых по-латыни как *notitiae episcopatum*, Константинопольского патриархата. Наиболее ранняя дошедшая до нас нотиция представлена в виде Not. 1 в своде нотиций Ж. Даррузеса. Работая с этим текстом, следует помнить предупреждение Даррузеса, что он не пытался воссоздать оригинальный документ, который был бы чуть более полным [1, р. 7-9 (с обсуждением датировки)]¹. Этот документ, ниже обозначаемый как протонотиция, похоже, представлял собой достаточно полный перечень не только митрополичьих и архиепископских, но и епископских престолов, митрополия за митрополией, по состоянию на середину VII в. Столь же полное и надежное их описание было проведено примерно 250 лет спустя при патриархе Николае Мистике. Оно обрело форму Not. 7 в своде Ж. Даррузеса, которая рассматривается во второй части этой статьи. В промежутке производились лишь частичные попытки актуализировать протонотицию, более или менее компетентные. Наиболее амбициозной и, во многих отношениях, наиболее поучительной среди этих компиляций является Not. 3 свода Даррузеса, часто отмечаемая учеными как лишенная интереса частная фантазия. Первая часть моей работы посвящена реабилитации этого документа. Мы обнаружим, что данные обоих текстов о церковной организации Крыма дают новый, еще не опробованный ключ к их общей интерпретации. И если

¹ Рукописная традиция Not. 1 утратила несколько епархий, которые могли бы быть без колебаний восполнены из более поздних компиляций, основанных на протонотиции.

документы патриаршей канцелярии проливают свет на ситуацию в Крыму, то наши познания о Крыме способствуют лучшему пониманию нотиций.

I. Notitia 3 и Готская епархия.

Нотиция Константинопольского патриархата, ныне известная как Not. 3 свода Жана Даррузеса, стала предметом горячих споров очень скоро после того, как она была впервые опубликована К. де Боором в 1891-1893 г. Сам издатель возводил ее к документу эпохи первого иконоборчества, так как наиболее разительной чертой нотиции явилось систематическое включение западных епархий, выведенных Львом Третьим из-под папской юрисдикции, в табель о рангах константинопольского престола. Однако К. де Боор также отметил текстуальную зависимость нотиции от списка участников седьмой сессии Седьмого Вселенского Собора 787 г. Поэтому он допускал, что публикуемый им текст был частной компиляцией («die Arbeit eines Privatmannes»), сведенной из различных источников, а не официальным документом; тем не менее, он настаивал на историческом значении нового источника [2, 1891, р. 303-322, 519-534; 1893, р. 573-599]. Аналогичную позицию занял Г. Гельцер, который успел напечатать свой комментарий к тексту еще до публикации комментария де Боора [3, р. 419-436]². Но совсем иную оценку высказал в 1895 г. Л. Дюшен. Также подчеркивая зависимость текста от актов Седьмого Вселенского Собора и предполагаемое использование его составителем внецерковных источников (напр. «Синекдем» Иерокла) при компилировании нескольких епископских списков (в частности, в Греции), он представил его как «все что угодно, но не официальное отражение реальной ситуации» и предложил считать его несостоявшимся («de considérer comme non avenu ce nouveau document») [4, р. 375-385]³.

За последующее столетие обе позиции, заявленные первыми исследователями, еще более разошлись. Г.И. Конидарис назвал Not. 3 «нотицией иконоборцев» и отнес ее к концу правления Льва III или к началу царствования Константина V. Многие ученые, чьи работы я подробно перечислять не стану, разделяли это представление о тексте; отмечу недавние статьи Е. Кунтуры-Галаки и В. Прижана [6, р. 65-80; 7, р. 45-73; 8, р. 931-953], которые возобновили изучение Not. 3, используя ее в качестве источника середины VIII в. Напротив, В. Лоран, сурово критикуя Конидариса, не привлекал текст Not. 3 к рассмотрению. Ж. Даррузес, перед которым встала задача определить место нотиции в его своде, нелестно описал ее как беспорядочную компиляцию, которую могли бы

² Это исследование известно мне по ссылкам де Боора в части III его 'Analekten' (цитируемой выше).

³ Ср. работу Лемерля, который использовал наиболее разительные выдержки из Дюшена для определения собственного подхода к тексту [5, р. 252].

составить «в любое время после собора 787 г. и до XIV в. (дата единственной рукописи)», хоть она местами («par endroits») и заставляет думать о конце IX в. [1, p. 32]. Этот критический подход достиг своего апогея в недавней работе Э. Ламберца, представившего «так называемую нотицию иконоборцев» как позднюю компиляцию, лишенную исторической ценности [9, p. 24-25].

Настало время «собирать камни» и попытаться выработать более сбалансированный подход к тексту. Я признаю, что эта переработка протонотиции VII в. (ср. Not. 1 Даррузеса) была произведена с привлечением актов Седьмого Вселенского Собора, то есть после 787 г., и не вижу никаких признаков того, что в ней отразилась некая более ранняя «иконоборческая» нотиция. Однако исторический интерес Not. 3 несомненен. Новый анализ текста прольет свет на цели и методы компилятора, а также определит время и идейную среду его деятельности. Он также позволит прояснить наиболее загадочную часть текста о иначе незасвидетельствованной епархии Готии, охватывающей весь Хазарский каганат.

1. Датировка Not. 3.

Not. 3 может быть датирована довольно узким промежутком времени, с опорой на два основных показателя, имеющих отношение к церковной структуре Греции.

А. Тогда как церковная провинция (eparkhia) Греции фигурирует неразделенной в актах 787 г., Not. 3 отмечает раздел между епархией Пелопоннеса/Коринфа (ст. 57) и епархией Эллады/Афин (ст. 58). Цитируя почти современное свидетельство Хилдуина, аббата Сен-Денийского, В. Лоран указал, что Афинская кафедра возвысилась до митрополии при патриархе Тарасии, между 787 и 806 гг.; он доказывал убедительно, хоть и менее однозначно, что это возвышение произошло во время единоличного правления императрицы Ирины (797-802) [10, p. 58-72].

Б. Not. 3 упоминает Патрскую епархию как автокефальное архиепископство (ст. 55), рядом с другим автокефальным архиепископством в Пелопоннесе, Аркадией (ст. 56). Традиционной датой возвышения Патр до статуса митрополии, указанной в схолии Арефы (ок. 932 г.) и в нескольких более поздних источниках, является 805/6 г. (четвертый год правления Никифора I). В. Лоран выдвинул убедительный аргумент в поддержку этой датировки, которая сейчас широко принята [11, p. 129-141; 12, p. 15-78; 13, p. 71-78].

Даррузес утверждал, что архиепископство Аркадии, которое Not. 3 располагает в Пелопоннесе, было случайным повторением одноименного епископства на Крите [1, p. 23 and 232 (l. 56)], но это утверждение не оправдано. Критское епископство Аркадии нигде не фигурирует как архиепископство. Я же, напротив, считаю, что церковная карта Пелопоннеса, как она представлена в

Not. 3 – с Коринфской митрополией, отторгнутой у расположенных за перевалом Афин, и двумя архиепископствами – содержит в себе объяснение ее позднейшей аномальной структуры. В Not. 7 Коринфской кафедре подчинены города восточного побережья, но также, неожиданно, два острова у западного побережья, Кефаления и Закинф, отделенные от остальной епархии территорией новой епархии Патр. Это явление было бы необъяснимо, если бы новая церковная карта Пелопоннеса была создана простым распределением востока и запада полуострова между Коринфом и Патрами соответственно [как пример этого общепринятого допущения, см.: 14, р. 388-400]. На самом же деле вновь учрежденной Патрской митрополии было, по всей очевидности, подчинено, ок. 805 г., недолговечное архиепископство Аркадии, имевшее, вероятно, свой центр в Лакедемонии и соответствовавшее территории, занятой славянами, тогда как западные острова остались за Коринфом. Дата этой реформы обеспечивает надежный *terminus ante quem* для составления Not. 3.

Ни один хронологически значимый элемент в Not. 3 не выходит за пределы этой датировки. Однако следует сказать несколько слов о дате введения церковной иерархии византийского типа на Сицилии и в Калабрии. До присоединения обоих регионов к Константинопольскому патриархату, их епископы (как и другие итальянские епископы) были подчинены напрямую папе. На Седьмом Соборе все многочисленные делегаты Сицилии и Калабрии записаны среди автокефальных архиепископов, то есть как подчиненные непосредственно патриарху, независимо от реальной значимости их кафедр⁴. Такая аномальная ситуация не могла продолжаться долго, и в самом деле Сицилия и Калабрия представлены в Not. 3 как традиционные византийские митрополии с митрополичьими кафедрами в Сиракузах и в Реджио соответственно. В каждой митрополии одна видная кафедра, соответственно Катана и Никополь удостоились ранга архиепископства, а остальные значатся как епископские, подчиненные своим митрополитам⁵. По оценке В. Лорана (безотносительно к Not. 3, которой он постоянно пренебрегал), реформа церковных структур в обоих регионах имела место ок. 800 г. [15, р. 692 и 709, с кратким обзором более ранней библиографии, согласующейся с этой датой]. Недавно А. Жакоб и Ж.-М. Мартен предложили иную хронологию. Они удревели создание Сицилийской митрополии до середины VIII в., отложив введение таких же реформ в Калабрии (равно как возвышение Катаны в статус архиепископства) до второй половины IX в. [16, р. 360-361]⁶. Однако подобная

⁴ Для определения иерархического положения епископов на Соборе я отсылаю читателя к сводным спискам у Ламберца: 9, р. 46-48.

⁵ См. Not. 3, ст. 43, 61, 619-631 о Сицилии; ст. 44, 71, 632-641 о Калабрии.

⁶ Ср. [17, р. 482-487], где Мартен подробно обосновывает идею о продвижении Реджио до статуса митрополии лишь в конце IX – начале X вв. Допуская некоторую неопределенность титула архиепископа в западных епархиях, автор оспаривает статус митрополии у Реджио

схема исключается для Сицилии актами Седьмого Вселенского Собора. Помимо того, что они совершенно не отражают объединения епископских кафедр под властью митрополита, все три надежных списка участников ставят Феодора Катанского выше Галатона Сиракузского⁷, что было бы исключено, если бы обратное иерархическое соотношение их кафедр было уже установлено. Мои собственные наблюдения над списком D участников Собора, приведенные ниже, позволяют утверждать, что Сицилийская митрополия была создана несколько лет спустя после Собора. Оставлять епископов Калабрии одних вне регулярной византийской иерархической структуры было бы странно, и я никаких серьезных свидетельств тому не вижу. В полном соответствии с хронологической оценкой В. Лорана, предложенный выше *terminus ante quem* для Not. 3 предполагает, что структура митрополии в Калабрии (даже если ее глава по западной традиции носил титул архиепископа) была создана вскоре после такой же реформы на Сицилии.

Еще два наблюдения могут быть полезны для установления хронологии Not. 3. Город Вероя, архиепископство во Фракии, был переименован в Иринополь императрицей Ириной в 784 г. [18, р. 457]; его упоминание в Not. 3 под первоначальным названием (ст. 69, ср. ст. 662) дает основание предположить, что этот текст был создан после свержения Ирины в 802 г. Митрополичья кафедра Сердики (ст. 49) не фигурирует в других notiциях по той же причине, что город был захвачен болгарским ханом Крумом в 809 г. и все его население было истреблено [18, р. 485]; нет свидетельств тому, что он был впоследствии снова захвачен византийцами. Разумеется, бессмысленно утверждать, будто Not. 3 является хронологически последовательной во всех своих элементах. Имея дело с сотнями географических названий, ее компилятор неизбежно должен был упустить какую-либо информацию, а зачастую даже не пытался обновить свой явно устаревший оригинал. Моей целью является показать, что вопреки оценке Даррузеса, текст не содержит элементов, которые указывали бы на контекст конца IX в. Датирование Not. 3 между концом 787 и 805 гг., а скорее между 802 и 805 гг. не предполагает существенных хронологических неувязок.

Кстати, предлагаемые критерии требуют поменять местами Not. 2 и 3 в своде Ж. Даррузеса. Not. 2, давно известная как notiция патриарха Никифора, отражает первую рудиментарную попытку интеграции западных епархий, однако это гораздо менее амбициозная, менее информированная и менее последовательная компиляция, чем Not. 3. Даррузес датировал ее первой четвертью IX в. и настаивал на ее книжном, а не канцелярско-официальном

в Not. 4 (являющийся, на мой взгляд, бесспорным) и придает чрезмерное значение положению Реджо в Not. 2, очень запутанной во всем, что касается Запада.

⁷ См. списки А, В и особенно F у Ламберца [9, р. 46-47].

характере [1, р. 19]. Странно, что некоторые ученые принимают рудиментарность за показатель ранней даты и считают этот текст как бы черновиком новой церковной иерархии, создаваемой при Льве III⁸. В самом деле, Not. 2 обозначает Патры как митрополию (ст. 39), и это четко доказывает, что она была скомпилирована после 805 г. Список автокефальных архиепископов содержит дополнительные показатели. В конце его фигурирует Амастридская кафедра, которая, как сообщается в прекрасно информированном Житии Георгия Амастридского, была выведена из подчинения Гангрскому митрополиту и возведена в ранг архиепископии в конце служения Георгия. Как убедительно показал В. Васильевский, это указывает на начало правления императора Никифора I, с которым святой был близок, то есть на время между 802 г. и смертью Георгия в 806 или 807 гг. [20, с. LXI-LXII и с. 33-34 (текст); ср. 15, р. 319]. В Not. 3 (ст. 329) Амастрида фигурирует как простое епископство, что поддерживает предложенный мной для этого текста *terminus ante quem*, 805 г. Еще несколько епископских кафедр Not. 3 фигурируют в Not. 2 как архиепископские⁹. Традиционное отнесение Not. 2 ко времени правления патриарха Никифора (806-815) изначально базировалось на ее постоянном объединении в рукописях с Бревиарием Никифора, что само по себе не являлось решающим аргументом, но теперь эта датировка представляется все более правдоподобной.

2. Метод и цель компилятора.

Введение Даррузеса содержит хорошо информированный обзор процесса сложения Not. 3. Читатель, знакомый с более ранними исследованиями текста, заметит, что Даррузес отказывается от традиционного упрека (резко высказанного Дюшеном) в том, что компилятор использовал светский географический трактат Иерокла для пополнения данных о провинциях, вновь присоединенных к патриархату Константинополя. Подобного рода

⁸ Этот подход особенно характерен для работы Е. Кунтуры [19, р. 279-289].

⁹ Наиболее значимым дополнением является Аморий, названный архиепископством (ст. 77), но не исключенный из викарных епископств Писсинунт (ст. 301). Уже акты 787 г. называют Аморий архиепископством (в конце списка [см.: 9, р. 51]), но Not. 3 указывает его как викарное епископство (ст. 351); такой низкий ранг города, должно быть, результат недосмотра. По мнению Несбитта и Икономидиса [21, р. 88], Аморий далее возвысился до ранга митрополии «до 803 г.», т.к. его епископ Евдоксий, сосланный в этом году, назван митрополитом в Житии Евфимия [см.: 22, р. 27], но вряд ли это так. Житие Евфимия, написанное Мефодием в одиночном заключении в начале 830-х гг., могло отразить современную ситуацию, а не церковную иерархию тридцатилетней давности. Напротив, если редактор Not. 2 изменил ранг Амория в своем тексте по сравнению с источником, он, вероятно, знал, что делал. Принимая во внимание датировку Not. 2, я бы приписал возведение Амория в статус митрополии его уроженцу, Михаилу II (820-829).

заимствование списков городов VI в. и их превращение в списки епископств IX в. было произведено для Крита и Сицилии в Not. 2, что и заслужило ей со стороны Даррузеса оценку как «поделки книжника» (см. выше). Что же касается составителя Not. 3, то пересматривая и дополняя свой исходный текст, протонотицию (ср. Not. 1), он часто черпает данные из источников, которые мы не можем идентифицировать. Краткий обзор, главным образом основанный на наблюдениях Ж. Даррузеса, позволяет оценить объем и качество принятой редактором ревизии.

Наименее затронутыми изменениями оказались епархии Малой Азии. Каждый из двух позднеантичных диоцезов, подчиняющихся патриарху Константинополя, Азиана и Понтика, имел одиннадцать светских провинций. Четыре из них – Памфилия и Фригия Пакатиана в Азиане, Каппадокия II и Вифиния в Понтике – были издавна подразделены каждая на две церковных епархии. Из общего числа в двадцать шесть епархий, одиннадцать фигурируют в Not. 3 без значительных изменений по сравнению с Not. 1 (Армения II, Каппадокия II/Тиана, Галатия II [Salutaris], Геллеспонт, Гонориада, Кикладские острова, Ликаония, Памфилия/Сиде, Пафлагония, Фригия Салютарис и Полемонов Понт). В пяти случаях изменения настолько незначительны, что трудно отнести их на счет редактирования, скорее, это ошибки переписчика (Азия, Галатия, Ликия, Памфилия/Перга). В двух случаях, Каппадокия II/Мокиссос и Писидия, добавление новой епископской кафедры было явно осознанным, но не к месту: епархии были добавлены из актов 787 г. потому, что компилятор Not. 3 не опознал их в своем первоисточнике, где они фигурируют в соответствующей провинции, но в несколько ином написании. Пять списков (Вифиния/Никомедия и /Никея, Капподокия I, Кария и Гелеспонт) были расширены на одно новое название каждый. Этот краткий упрощенный обзор оставляет нам три случая, где изменения более значимы. Списки обеих епархий Фригии Пакаатианы («Karatianana»), с митрополичьими кафедрами в Лаодикее и Иераполе, были тщательно пересмотрены компилятором Not. 3, который проявил в этом случае хорошие знания современной церковной географии. Епархия Армения I была пропущена полностью, несомненно, преднамеренно, как указывает Ж. Даррузес; эта опустошенная «ничейная» земля между Империей и халифатом также не упоминается в Not. 7.

Три более восточные епархии, Кипр, Исаврия и Лазика, не принадлежали ни к Азиане, ни к Понтике. Исаврия изначально подчинялась патриарху Антиохии, тогда как Кипр успешно отбивал попытки последнего подчинить его своей власти; обе являлись частью диоцеза Востока. Лазика, долгое время являвшаяся союзным царством, постепенно стала при Юстиниане частью Империи. И хотя она никогда не организовывалась как гражданская провинция, она засвидетельствована на соборе 553 г. как митрополия, подчиненная патриарху Константинополя; ниже мы рассмотрим ее

дальнейшую судьбу. История двух других епархий имеет мало общего, но их представление в Not. 3 отражает, каждое по-своему, методику компилятора и заслуживает краткого комментария.

Необычная автономия митрополита Константианы на Кипре, избираемого собственными епископами и независимого ни от какого патриарха, была учреждена собором 431 г. и вновь подтверждена в 692 г.¹⁰ Его позиция в списке подписей соборов 680/1 и 692 гг. отражает этот особый статус. В 680/1 г. он занимает место после пяти патриарших престолов и архиепископа Фессалоники, папского викария. В 692 г. Иоанн Новоюстинианопольский (ранее Константианский) подписывается сразу после пяти патриархов, а следующая позиция сохраняется за отсутствующим архиепископом Фессалоники. В обоих случаях его викарные епископы подписываются перед викарными епископами митрополитов, подчиняющихся патриарху Константинопольскому [25, p. 145, cf. p. 217-221]. Порывая с этой традицией, Not. 3 помещает епископа Константианы на третьем месте среди митрополитов Константинопольского патриархата и отводит соответствующую позицию для его викарных епископов. Иными словами, Not. 3 ликвидирует автокефальный статус Церкви Кипра, подчиняя ее Константинополю. Эта картина вызывает оживленные дебаты среди греческих историков церкви и порицания в адрес Not. 3 со стороны поборников Кипрской автономии [см.: 26, p. 83-92]. Ж. Даррузес видит в ней еще одно доказательство неудачной адаптации компилятором списков 787 г., хоть он и вынужден признать, что тот обладал достоверными сведениями о кипрских епископствах, которые он не мог почерпнуть из списков. Сопоставление с актами 787 г. важно еще и другим. Все списки участников помещают митрополита и епископов Кипра среди их коллег, подчиняющихся патриарху. Хоть их место всегда является почетным (третье для митрополита, четвертое и пятое – для его викарных епископов) [9, p. 42, 57], оно разительно уступает их совершенно особому положению в 680/1 и 692 гг. Таким образом акты Никейского собора ясно доказывают, что церковная иерархия Константинополя рассматривала статус Кипра в 787 г. иначе, нежели веком ранее, и это представление по-своему отражается в Not. 3.

Пример Исаурии помогает нам лучше оценить характер изменений. Это одна из немногих митрополий (вместе со Скифией и Мёзией), которые внесены в перечень епископских кафедр в третьей части Not. 3, хотя их митрополиты не представлены в списке митрополитов в первой части документа. Более того, Селевкия, традиционная кафедра митрополита Исаурии, фигурирует во второй части нотиции среди автокефальных архиепископств (ст. 67). Причина подобных колебаний ясна. С канонической точки зрения Константинопольский патриарх имел не больше прав присоединять епархию Антиохийского

¹⁰ См. о Кипре в Канонах 692 г. [23, p. 63-82, работа, основанная на: 24 (non vidi)].

патриархата, чем нарушать независимость Церкви Кипра. Однако краткое примечание в конце Not. 4 подтверждает данные Not. 3, указывая, что митрополия Селевкия Исаврийская с ее викарными епископами была отделена от диоцеза Востока и подчинена патриарху Константинополя (ст. 493). Эта пометка отражает реальную ситуацию епархии Исаврии, но каноническое решение было найдено только в официально пересмотренной Not. 7. В этом тексте Селевкия стала митрополичьей кафедрой уже не Исаврии, а (еще одной) епархии Памфилии (ст. 512). Превращение Исаврии в Памфилию оправдывало ее включение в нотицию Константинополя. Это решение не очень элегантно, но интересно уже тем, что в нем возникла необходимость. Исаврия как таковая не могла быть подчинена Константинополю *de jure*, что не помешало этому совершиться *de facto* за столетие до того, как чей-то изобретательный ум додумался переименовать ее в Памфилию. Место Кипра в списках 787 г. и в Not. 3 наводит на мысль, что Константинополь третировал его тогда таким же образом.

Главы по Кипру и Исаврии объединяет прагматичный подход к проблемам церковной иерархии и отличное знакомство с церковной географией. Им можно противопоставить две наиболее проблематичные группы викарных епископов Not. 3, епархии «Мёзия I» (ст. 603-610) и Скифия (ст. 642-656). Внешение Мёзии в нотицию Константинополя стало, как ни удивительно, нововведением Not. 3, показавшим хорошее знание старого административного деления. Дело в том, что ошибка переписчика или редактора протонотиции превратила Мёзию II (Inferior) в диоцезе Фракии во второй Эмимонт (Not. 1, ст. 36-37, 438-449, ср. Not. 2, ст. 35-36, 506-517 и Not. 4, ст. 36-37, 457-467). То, что это, конечно же, являлось ошибкой, а не результатом административной реформы, стершей с карты Мёзию II, доказывает тот факт, что все эти тексты правильно локализуют архиепископство Одесское в епархии Мёзии. Редактор Not. 3 не осмелился бросить вызов авторитету протонотиции и удалить «другой» Эмимонт из списка викарных епископов (ст. 727-731) или его митрополичью кафедру, Маркианополь, из списка митрополий (ст. 50). Однако он создал дополнительную епархию Мёзия I, поместив митрополита в Одессе (ст. 603), аккуратно удаленном из архиепископского списка, а Маркианополь он приписал к этой епархии как одно из викарных епископств (ст. 607). Епархия Скифия с митрополитом в Томи (ст. 642), также удаленном из списков архиепископских кафедр, является еще более смелой инновацией, т.к. эта провинция традиционно имела только одного (архи)епископа, в Томи, а викарных епископов не имела. Эти нововведения привлекли мало внимания историков церкви, поскольку они явно абсурдны. И Скифия, и Мёзия были завоеваны болгарами вскоре после составления протонотиции; необычный вид, в котором в ней предстала Мёзия, не подвигнул позднейших компиляторов на исправления потому, что в любом облики Мёзия больше не являлась частью существовавшей церковной структуры.

Эти искусственные образования подводят нас к тому разделу Not. 3, который навлек на своего автора наиболее резкую критику: епархия «Эпира I» (ст. 769-776), последняя в списке, составленная из викарных епископов Эллады/Коринфа, принимавших участие в Седьмом Вселенском Соборе. Атрибуцию этого списка Эпиру можно объяснить тем, что епископ Керкиры (Корфу), к северу от Пелопонесса, занимающий второе место в списке, оказался единственным представителем Эпира на соборе и подписал его акты вместе с соседями, викарными епископами Эллады. Это наблюдение не делает атрибуцию Эпиру списка в целом менее искусственной, но указывает на то, в чем я вижу реальную цель компилятора. Он стремился полностью осветить сферу власти Константинопольского патриарха, как на востоке, так и на западе, а особенно в аннексированной Иллирии, о которой у него были самые смутные представления. Компилятор обладал надежными данными относительно некоторых западных епархий, таких как Сицилия и Калабрия [8], и вообще никакими о других, таких как Сардиния и Далмация (ст. 19, 54), которые только упомянуты в списке митрополитов. Я преднамеренно избегаю спора относительно его списков епископств Эллады и Македонии¹¹, т.к. независимо от того, состояли они из реальных епархий или нет, они выражали и конкретизировали его притязания на эти территории. Так наиболее неуместные элементы Not. 3, взятые вместе, составились в идеологическую декларацию, содержание которой я попытаюсь раскрыть ниже.

3. Not. 3 и пересмотренные списки участников Седьмого Вселенского Собора.

Хотя уже первый издатель Not. 3, К. де Боор, установил ее текстуальную зависимость от списков участников Седьмого Вселенского Собора, дальнейшее развитие этого наблюдения было затруднено отсутствием критического издания соборных списков. Список А, официальный реестр епископов, присутствующих на первом заседании, и Список В, регистрировавший славословия новой православной догме со стороны участников второго заседания, особых проблем не представляют. Список С, славословия с третьей сессии, является слишком неполным, чтобы быть полезным. Список F, содержащий подписи епископов, принимавших участие в окончательном седьмом заседании, всегда считался наиболее авторитетным. Напротив, Список D (подписи с четвертого заседания) и Список E (список присутствующих на седьмом

¹¹ Следует отметить, что компилятор вносит Лариссу как престол митрополита Фессалии, в соответствии с древней номенклатурой, как светской, так и церковной (римской). В византийской традиции, однако, засвидетельствованной начиная с Not. 2 (ст. 40), эта епархия всегда называлась Эллада (Hellas). Это еще одно доказательство ранней даты Not. 3, т.к. автор конца IX в. вряд ли вернулся бы к старому названию хорошо известной митрополии.

заседании) явно проблематичны. Предлагая читателю первое систематическое исследование списков Седьмого Собора [27, р. 56-61], Ж. Даррузес был не первым, кто задался вопросом, почему список епископов, присутствовавших на открытии седьмого заседания (E), значительно длиннее списка подписавших его догматическое определение (F). Он прекрасно понимал, что на этом этапе среди отцов Собора не могло быть инакомыслящих, которые воздержались бы от подписания. Более того, Списки D и E называют трех видных участников, митрополитов Фессалоник и Траянополя, и архиепископа Патр, а также шесть епископов, которых нет в других списках и которые вряд ли приняли участие всего лишь в полутора заседаниях [9, р. 30-31]. Тогда как Даррузес отстаивал аутентичность Списка E, Э. Ламберц предложил иной подход в своем новаторском исследовании, которое основывается на первом всестороннем обследовании рукописной традиции актов Седьмого Собора и предвосхищает их критическое издание. Ламберц указал, что на седьмом заседании не предполагалось составления нового списка присутствующих, т.к. акты отмечают зачитывание изначального официального списка (A) в начале каждого заседания. Он показал, что Список E представляет собой компиляцию, основанную на аутентичном Списке F и на некоей версии Списка D, уже отредактированной по сравнению с его оригинальной версией, но в несколько меньшей степени, чем та версия, что дошла до нас в актах [9, р. 27-33].

Аргументация Э. Ламберца является ключевой для настоящей дискуссии, но оставляет открытым один важный вопрос. Когда и почему был скомпилирован и внесен в текст актов Список E? Композиция списка дает начало ответа. Целью компилятора являлось составление по возможности полного списка отцов Собора, и с этой целью он взял самый длинный из всех наличных в актах списков, D, в котором было 330 епископов, и дополнил его именами епископов из авторитетного Списка F, где имелось 307 подписей (включая 5 патриархов). Отметим, что различие между Списками D (в его дошедшей до нас форме) и F, которое объяснялось по-разному, не сводится к разности между обоими числами. Если число имен, интерполированных в Список D, не превышает девяти¹², то изменения в иерархическом порядке митрополитов и архиепископов весьма значительны. В самом деле скромность дополнений является доводом в пользу добросовестности компилятора. Имена, добавленные в D, могли принадлежать епископам, не сумевшим принять участие в Соборе, но поддержавшим его решения сразу после его завершения (как это было предусмотрено в 692 г.

¹² Некоторые из епископов, которые появляются только в Списке D и зависящем от него Списке E, могли принимать участие только в одном заседании; такие случаи очень редки, но встречаются и в других Списках.

для некоторых важных епархий, включая Фессалоники [25, р. 222-223]). Столь же разительна скрупулезная честность составителя Списка Е, который не добавил ни одного имени, которого не было в одном из его двух источников. Так как оба списка являлись частью объемистых соборных актов, которые копировались нечасто, самым экономным решением было бы, на мой взгляд, отождествить в одном лице компиляторов Списков D и E. Не удовлетворившись пересмотренным Списком D, который он составил для нового списка актов, он далее вставил в тот же список более амбициозное творение, представляющее более полный список участников. Таким образом он получил список из (по меньшей мере) 343 епископов, к которому следует прибавить пять патриарших престолов. Важно отметить, что общее число кафедр в E, в отличие от D (330+5), превосходит число участников иконоборческого Собора в Иерее (338).

Предлагаемая реконструкция включает несколько гипотетических положений, но нет сомнения, что именно числа являются ключом к пониманию процесса изменения списков. Когда в 790-791 гг., при обстоятельствах, которые немало занимали ученых и в дополнительных комментариях не нуждаются, богословы Карла Великого отвергли Второй Никейский Собор (787 г.), они обвинили его в догматическом отклонении от символа веры Первого Собора в Никее (325 г.), но также, походя, облили его презрением из-за небольшого количества участников: *et ut cetera taceamus quae recensere longum est, in illa CCCXVIII fuere pontifices, in ista, ut ipsi adseverant, CCCVI* [28, IV, 13, р. 516]. 306 (на самом деле 307, но одно из имен было утеряно в латинском переводе [9, р. 34]) подписей было поставлено под догматическим определением Собора на седьмой сессии, и каролингские полемисты были правы, называя это число. Однако вскоре на Западе распространилось число, исправленное и более лестное. Биография папы Адриана (772-795) в *Liber Pontificalis* приписывает этому папе инициативу созыва в Никее Собора, который объединил около 350 епископов (*iuxta trecentorum quinquaginta episcoporum*) [29, р. 512]. Большая часть биографии Адриана писалась при его жизни, но упоминание о Никейском Соборе, по-видимому, принадлежит редактору, который придал окончательную форму тексту после смерти папы в 795 г. Однако пополнение *Liber Pontificalis* новыми жизнеописаниями было в то время стандартной и быстрой процедурой, а биография Адриана не несет следов более поздней переработки¹³. Так, получается, что к концу 790-х гг. в Риме было известно, что количество участников Собора 787 г. приблизительно составляло 350 человек. Число 350 приводится в письме патриарха Никифора папе Льву III от 811 г. и в панегирике Собору 787 г. Епифания

¹³ Недавнее исследование этого текста см.: 30, р. 107-122. Р. Дэвис поддерживает мнение Дюшена, что биография Адриана была составлена современником.

Катанского, который не был произнесен (как стало принято в поздней традиции) на самом Соборе, а был составлен несколько позже¹⁴.

Есть только два возможных объяснения очевидной связи между числом участников Собора, приводимым источниками конца VIII – начала IX вв., и их числом в Списке Е. Можно, казалось бы, предположить, что оценка числа участников 350-ю изначально вошла в оборот без малейшего документального подтверждения и что только позднее некий предприимчивый клирик сумел вставить в рукописную традицию актов новый список, Е, чтобы обосновать это число. Однако этот вариант не только маловероятен; его фактически исключает то, каким образом Список Е был составлен. Вряд ли его составитель мог знать заранее, что, сведя имена из Списков D и E, он выйдет на число примерно в 350 прелатов¹⁵. Другим объяснением, на мой взгляд, единственно возможным, было бы признать, что, когда исправленная цифра «(приблизительно) 350» дошла до сведения Римской церкви и, более того, когда о 350 участниках говорил патриарх Никифор, документ, который обосновывал это число, уже существовал.

Если принять этот аргумент, то Список Е оказывается не «поздней компиляцией», как считал Э. Ламберц [9, р. 30], а текстом, появившимся в рукописной традиции актов очень рано, очевидно, в пределах десятка лет после Собора. Патриарх Тарасий (784-806) был единственным, кто мог взять на себя инициативу подобной вставки в официальный экземпляр актов. В таком случае Список Е был его достаточно честным ответом на упрек, что «его» Собор был лишен авторитета из-за малого числа участников. Корректировка иерархии митрополитов, которая имела место в E (и в пересмотренном D), по сравнению с традиционной табелью о рангах приобретает в этом контексте новый вес. Если большинство сохранившихся *notitiae episcopatum* воспроизводят традиционный порядок кафедр потому, что как частные компиляции они не обладают полномочием его менять, то Список Е отражает идеи патриарха Тарасия об оптимальном расположении высших церковных иерархов на середину 790-х гг.

Зависимость *Not. 3* от списков Собора теперь также проявляется в новом свете. Тогда как Ж. Даррузес указывал на сходство между иерархией кафедр в *Not. 3* и в Списках D и E [1, р. 22], уже де Боор правильно сосредоточил внимание на последнем. Наиболее яркое различие между D и E

¹⁴ Подробнее см.: 9, р. 33-35. Ламберц лишь кратко упоминает биографию Адриана в примечании 131, допуская возможность, что ее следует датировать ранее, чем письмо Никифора. Я же не сомневаюсь, что это было именно так.

¹⁵ Некоторая неопределенность относительно количества епископов в Списке Е вызвана отсутствием некоторых имен, особенно тех, что даны в списке D, которые были, вероятно, утрачены в рукописной традиции. Их изначальное число, вне сомнения, приближалось к 350-ти [ср.: 9, р. 30].

касается места митрополита Фессалоник: 4-е и 11-е соответственно; Not. 3 следует за E. В остальном порядок кафедр в пересмотренном D и в E очень близок, что говорит в пользу их близости во времени. Если, как я, надеюсь, показал, Not. 3 относился к последним годам Тарасия, компилятор взял за образец наиболее современный и авторитетный обзор церковной иерархии, вписанный в официальный экземпляр актов Никейского Собора. Последний был, по всей вероятности, доступен только в одном месте – патриаршей канцелярии¹⁶, и там же, я думаю, была составлена и Not. 3. Таким образом прекрасное знание церковной географии, продемонстрированное автором относительно ряда епархий, находит готовое объяснение.

Общие специфические черты Списка E и Not. 3 подводят, по логике моих аргументов, не к отказу от обоих, а к выявлению тенденции к пересмотру иерархии Константинопольского патриархата около 800 г.: при Тарасии и, несомненно, по инициативе самого Тарасия. Эти стремления были явно спровоцированы Собором 787 г. Проблемы «местничества», проистекающие из интеграции «папских» епархий, оставались теоретическими, покуда высшим иерархам не было нужды рассаживаться вместе или сослужить на литургии, но именно это и произошло на Соборе. Список E иллюстрирует более ранний, а Not. 3 более поздний этап поисков решения возникших проблем. Два своеобразных документа, которыми традиционно пренебрегали комментаторы, поддерживают друг друга, и те, кто хотят отбросить Not. 3 как частную фантазию, должны объяснить, каким образом документы, которые позволяют себе разительные вольности с традиционной табелью о рангах (Списки D и E), проникли в состав актов Седьмого Вселенского Собора.

Полемический контекст эпохи также объясняет географический охват Not. 3. И накануне Никейского Собора в письме Константину VI и Ирине и несколько лет спустя после Собора в письме Карлу Великому папа Адриан требует вернуть ему право посвящать «архиепископов и епископов», которых иконоборческие императоры подчинили Константинопольскому патриарху вопреки традиции и канонам [см.: 32, р. 14-31]. Это было то единственное преступление иконоборцев – вероятно, их наиболее грубое нарушение церковных канонов – за которое их никогда не упрекали православные полемисты. Вернуть папам Иллирию и Южную Италию было немыслимо, но невозможно было и измыслить аргументы, чтобы узаконить эту аннексию. Наилучшим способом отвергнуть папские притязания было представить ее как свершившийся факт. Это и было заданием для клирика, которому Тарасий поручил составить новую нотицию – нашу Not. 3. Судя по редким несоответствиям между списком

¹⁶ Зависимость Жития Стефана Нового (составлено менее чем через десять лет после Not. 3) от актов 787 г. дала М.-Ф. Озепи дополнительный аргумент, чтобы отождествить его автора как сотрудника патриаршей канцелярии [см.: 31, р. 119-120].

митрополитов и списком викарных епископов, сохранившийся текст был рабочим документом, который так и не был окончательно отредактирован. Это еще один довод в пользу его датировки близко ко времени смерти Тарасия в феврале 806 г. Однако это признание не умаляет работы, вложенной в подготовку документа, и не ставит под сомнение вопрос его исторической ценности.

4. Провал св. Иоанна Готского и епархия Готии в Not. 3.

Наиболее, как я полагаю, комментируемой и, конечно же, наиболее оригинальной в Not. 3 является глава, описывающая епархию Готии. Изначально она была указана под номером 37 (который превратился в 38 в результате ошибки переписчика¹⁷), и тем же номером 37 помечено небольшое приложение в конце нотиции, которое объясняет местонахождение двух из готских епархий. Ценный комментарий к главе был предложен А.А. Васильевым в его «Истории готов в Крыму» [33, р. 97-104], она часто комментировалась и позднее, но некоторые вопросы относительно идентификации и локализации епархий остаются нерешенными. Резиденция митрополита, Дорос (ст. 612), располагалась, бесспорно, на Мангупе, к востоку от Севастополя. Епархия хотциров (Χοτζίρων, ст. 612) в Восточном Крыму подробно обсуждается ниже (глава II). Следующая епархия, Астил (Ἀστὴλ, ст. 613), описывается в приложении как укрепление (κάστρον), получившее название от одноименной реки в Хазарии (ст. 779). Это считается наиболее ранним упоминанием столицы хазар, Атиля, известной, главным образом, из арабских источников; оно остается таковым, даже если мы датируем Not. 3 не эпохой первого иконоборчества, а несколько позже, ок. 805 г. Следует обратить внимание на описание Атиля как укрепления. Епархия Χουάλης (ст. 614) наиболее проблематична. Ее идентификация как Хорезм столь гипотетична, что вряд ли может стать предметом серьезной дискуссии. Оногуры (ст. 615) были локализованы в низовьях Кубани, на северо-восточном побережье Черного моря [34, р. 218-224], к югу от Таматархи на Тамани, которая также появляется здесь как епископство (ст. 618). Гунны (ст. 617) были идентифицированы Васильевым и другими как гунны Дагестана, которые были обращены в конце VII в. миссионерами из Кавказской Албании. Наконец, Васильев объяснил происхождение названия Ретег (ст. 616) как искажение названия Терег (или Терек), которое он относил к городу Тарку или Таргу, который принято располагать в низовьях Терека.

Список «Готских» епархий, исключая проблематичный Χουάλης, достаточно равномерно охватывает главные населенные центры Хазарского каганата. Он включает хазарскую столицу, Атил (локализация которой является предметом дискуссии), две епархии в Крыму, две другие на противоположном,

¹⁷ Ранее в тексте счет при нумерации епархий перескакивает с 26 (κς´) на 28 (κη´).

азиатском побережье Керченского пролива и еще две в Дагестане и на прилегающем каспийском побережье. «Готская» епархия является, бесспорно, хазарской. Однако среди ученых широко распространено мнение, согласно которому эта глава нотии представляет собой лишь проект включения Хазарии в иерархическую структуру Византийской церкви, а не совершившийся факт [ср. недавнюю работу: 35, с. 146-149]. Мой анализ Not. 3 вовсе не опровергает эту оценку. Документ, который включает епархии «Скифия» и «Мёзия», не может претендовать на наше безраздельное доверие. И все же существует различие, которым нельзя пренебрегать. «Готская» епархия не являлась ни наследием, которое было необходимо востребовать, ни новым приобретением, которое нужно было утвердить; она не несла идеологического груза прошлого. Проект или реальность, она несет на себе печать современности. И хоть я и не могу доказать наличие православного епископа в Атиле, я могу обрисовать контекст, который позволил бы надеяться на возникновение там епископской кафедры. Этот контекст определяется датой Not. 3, ее происхождением из патриаршей канцелярии, ее связью со списками Седьмого Вселенского Собора, а также сведениями о политической ситуации в Готии накануне Собора, содержащимися в Житии св. Иоанна Готского.

Несколько комментаторов отметили исключительно высокое положение архиепископа Готии в списках Седьмого Вселенского Собора. И в официальном списке присутствия на первой сессии (А), и в торжественном ряду подписей на седьмой сессии (F) монах Кирилл, представляющий Никиту Готского, занимает вторую позицию среди архиепископов, ему предшествует только Константин Регийский. В Списке С он стоит после Христофора, митрополита Фасийского, но этот краткий список славословий довольно хаотичен. Кирилл уступает несколько позиций другим архиепископам в Списке В, в котором также нет упоминания о готском иерархе, которого он представляет. Остаются тесно связанные Списки D и E, которые вносят несколько изменений.

Некоторые из этих изменений, сколь бы они ни были важны, не имеют отношения к Готии. Оба списка ставят Евхайту перед Готией, отдавая ей первое место среди архиепископств; я не способен объяснить это возвышение. Оба опускают Константина Регийского на несколько позиций. Список D, по сути, заменяет его на Стефана, который представлен в А и F (где он занимает несколько более низкую позицию) как епископ Сиракузский и которого D титулет архиепископом Сицилийским¹⁸. Новое расположение Сиракуз после Силлея (Syllaion), митрополичьей кафедры в то время, впереди всех архиепископов, может только указывать, в соединении с их новым рангом, на создание Сицилийской епархии. Эту реформу можно теперь отнести ко времени,

¹⁸ Отсутствие имени Стефана в списке E можно объяснить только пропуском в рукописной традиции.

очень близкому к завершению Седьмого Собора, незадолго до создания митрополии Калабрии, впервые упомянутой в Not. 3. Другое изменение в D непосредственно касается Готии. Этот список заменяет имя главы Готской церкви, представляемого Кириллом, называя Иоанна вместо Никиты. Список же E только указывал имя представителя, а архиепископа не называл. Как остроумно подметил Э. Ламберц, это изменение встает в ряд из четырех-пяти поправок в D, состоявших в восполнении имени епископа там, где были названы лишь представитель и епархия. Поскольку ни одно из этих исправлений (включая то, что касалось Готии) не перешло в Список E, Ламберц пришел к выводу, что эта редакционная работа была проведена после составления E на базе D¹⁹. Трудно датировать эту правку, которая касается и захолустных епархий; она присутствует во всех ветвях рукописной традиции и не может быть отодвинута далеко от времени Собора. Ответственный за эту правку редактор провел исследование относительно епископов, лишь представленных на Соборе, и обнаружил, что Кирилл должен был представлять Иоанна, а не Никиту.

Иоанн Готский известен из его почти прижизненного Жития, сейчас доступного в критическом издании М.-Ф. Озепи [36, р. 69-86], которое поможет объяснить замену Никиты на Иоанна в Списке D. Однако прежде чем комментировать этот текст, я хотел бы подчеркнуть основной на настоящий момент вывод. Положение Готии как митрополичьей кафедры в Not. 3 не имеет параллелей, столь же беспрецедентно ее высокое положение среди архиепископов в списках Седьмого Вселенского Собора (тогда как в Not. 7 она опускается в самый конец их списка)²⁰. Политическая ситуация, спровоцировавшая возвышение Готии на Соборе, была в точности та же, что и инспирировала проект Готской епархии.

Отсылая читателя к всестороннему исследованию Жития Иоанна, проведенному М.-Ф. Озепи, хотел бы поднять вопрос, в котором я с автором не согласен. Иоанн был избран «православными» (ὀρθόδοξοι) Готии, «оставшимися без пастыря», когда предыдущий епископ был возведен в митрополиты Гераклеи Фракийской вскоре после иконоборческого Собора в Иерее 754 г. (§ 2). В отличие от М.-Ф. Озепи, я не вижу причин рассматривать Иоанна как епископа-диссидента, избранного православными, которые якобы отказались принять «официального» епископа-иконоборца из Константинополя. Византия не могла навязать епископа Готии, которая являлась частью Хазарского каганата. Гипотеза о том, что такой епископ существовал, основывалась на предположении, что монах Кирилл представлял в 787 г. двух

¹⁹ Ламберц [9, р. 31] приводит D 71, где восполнено имя Никиты, епископа Колонеи, D 104 (Филипп из Сиона), D 206 (Феодор из Андрапы), D 263 (Георгий из Ипса); случай D 207 является более сложным.

²⁰ Этот параллелизм не укрывался от Ж. Даррузеса [27, р. 19-21].

епископов одновременно, «официального», Никиту, и «диссидента», Иоанна [37, с. 324-331]. Однако это предположение, само по себе спорное, стало совсем излишним после того, как Э. Ламберц убедительно показал, что имя Иоанна принадлежит ко второму уровню правки Списка D. Иоанн фигурирует в своем Житии как единственный епископ Готии, и его вполне официальное положение подтверждается его тесным сотрудничеством с правителем (kygos) Готии в сложный момент истории этой небольшой страны.

Согласно Житию, спустя некоторое время после смерти Льва IV (780 г.) и до отставки и смерти патриарха Павла (784 г.), Иоанн получил охранную грамоту от императрицы Ирины и прибыл в Константинополь для поддержки дела иконопочитания. Неудивительно, что Житие приписывает этой акции раскаяние и отставку Павла (§ 3). Но, как указывает М.-Ф. Озепи, путешествие Иоанна не имело ничего общего с иконами (восстановление почитания которых он вряд ли мог предугадать), а было связано с вооруженным конфликтом, который противопоставил Готию Хазарии (§ 4). Описание событий в Житии несколько затемняет их сущность. В нем сначала рассказывается о путешествии Иоанна в Константинополь и его возвращении в Готию не позже лета 784 г., затем о Соборе 787 г., в котором Иоанн не участвовал, и только потом (μετὰ ταῦτα) о захвате Иоанна хазарами. Причина захвата – восстание Готии против хазар, в котором Иоанн играл весьма незавидную роль, упоминается лишь после описания того, как Иоанн был задержан (§ 4). Столь непоследовательно построенное повествование обретает логику и последовательность, если мы отнесем указание μετὰ ταῦτα не к Собору, в котором Иоанн не участвовал, а к последнему описанному событию, касавшемуся его лично: его поездке в Константинополь. В таком случае Иоанн был захвачен хазарами вскоре после его возвращения в Готию, в конце 784 г., если мы отнесем его встречу с патриархом Павлом ко времени незадолго до отставки последнего. Если это так, то антихазарское восстание, которое явилось причиной его ареста, объясняет также и его миссию в Константинополе. Арест Иоанна вскоре после его возвращения как раз и стал причиной того, что иной иерарх возглавлял Готскую епархию во время Собора.

Согласно Житию (§ 4), хазарский каган принял решение (которое никак не объясняется) поставить стражу или гарнизон (φύλακας, ταξάτους) в «замке» (κάστρον) Готии, Доросе, и тем спровоцировал восстание местного правителя (κύρος), его архонтов и всего народа, объединившихся в стремлении противостоять попытке хазар полностью овладеть (катаκυριεῦσαι) их страной. Иоанн присоединился к восстанию народа Готии, который изгнал хазарский гарнизон и занял горные перевалы. Эти действия были потенциально самоубийственными, учитывая полное неравенство сил между готами и хазарами. Подобная акция могла быть задумана (если она была преднамеренной) или осуществлена (если предпринималась сгоряча) только лишь в расчете на

помощь извне, которую могла предоставить только Византия. Иоанн отправился в Константинополь искать помощи, но не преуспел в своей миссии. Таким образом восстание готов было обречено на поражение, а Иоанна (как указывается в Житии) выдал хазарам его собственный народ.

М.-Ф. Озепи охарактеризовала Иоанна как полунезависимого военачальника («*chef de guerre*»), подчеркивая его роль в восстании, но Житие не указывает, что он был активен в какой-либо иной области, кроме дипломатической. Как епископ мятежного «замка», он не мог оставаться в стороне от событий. Выдвигалась гипотеза, что завоевания абазгского (абхазского) царя Льва II в Лазике в 780-х гг., осуществленные при поддержке его тестя, правителя Хазарии, осложнили отношения между Хазарией и Византией [38, с. 190-191]. Это могло дать повод киру Готии и главе ее церкви надеяться на поддержку Византии. Но какими бы ни были их расчеты, их дипломатия провалилась. И даже если напряженность между Хазарией и Византией существовала ранее, отказ последней поддержать восставших внес свой вклад в создание той атмосферы разрядки, которая нашла отражение в положении Хазарской Готии как на Седьмом Соборе, так и в Not. 3.

Первым признаком этой разрядки явилось принятие Собором преемника Иоанна, Никиты, как законного архиепископа Готии. Согласно Житию, Иоанн провел некоторое время в заточении в Фулах (§§ 4 и 8), затем бежал в Амастриду на противоположном берегу моря и прожил там четыре года, до самой смерти (§ 5). Его смещение с престола было канонически спорным, и это было несомненной причиной того, что редактор Списка D внес его имя в список²¹. Однако это не помешало его преемнику быть посвященным, вероятно, самим патриархом Тарасием, и быть принятым Собором, покуда Иоанн жил в вынужденной отставке в Амастриде.

Место, отведенное Никите Готскому среди архиепископов на Соборе, было явной демонстрацией политической доброй воли в отношении Хазарии. Дальнейшее повышение статуса Готии до митрополии в Not. 3, составленной лет через пятнадцать после Собора, выглядит как логическое продолжение этой политики. Следующим событием в этой цепи становится строительство крепости Саркел на Дону византийскими инженерами по просьбе хазар в 840/1 г. [об этом эпизоде см.: 39, р. 210-215]. И сама просьба, и тот факт, что она была удовлетворена, кажутся из ряда вон выходящими, но едва ли более, чем внесение иностранной церкви в византийскую *notitia episcopatum* (следующим подобным случаем станет Русь). Ничто из этого не доказывает, что хазарские епархии, описанные в Not. 3, были и в самом деле созданы и

²¹ Нет оснований считать, что этот редактор, располагавший информацией о нескольких совершенно неизвестных епископах, испытывал влияние Жития Иоанна, которое, кстати, ничего не сообщает об участии своего героя в Соборе.

подчинены патриарху Константинопольскому. Но в том, что казалось долгим медовым месяцем между Византией и Хазарией в конце VIII и в начале IX вв., свидетельство Not. 3 находит свое логическое место, и его нелегко отбросить.

II. Восточный Крым в нотиции патриарха Николая Мистика.

В отличие от Not. 3, известной немногим более столетия и сохранившейся как единый текст в единственной рукописи, нотиция, обозначенная в своде Ж. Даррузеса номером 7, известна ученым уже несколько веков, хотя, как правило, в форме *tembra disjecta*, разбросанных в разных составах в разных рукописях. Наиболее яркой чертой этого документа является вступление патриарха, которое дает представление об обстоятельствах и о целях его составления. Большинство рукописей опускают эту часть. Его наиболее устойчивым элементом, часто подвергавшимся поверхностному обновлению, является список викарных епископов, сгруппированных в 51 епархию. Напротив, списки митрополитов и архиепископов обновляются в большинстве рукописей гораздо более значительно. М. Гельцер был первым, кто получил четкое представление об оригинальном документе, когда он обнаружил в Иерусалиме рукопись, содержащую подряд список 51 митрополита, список архиепископов, которых тоже оказалось 51, и список 51 епархии. Гельцер утверждал, что эти три элемента были единовременны друг с другом и с вступлением патриарха, которого в Иерусалимской рукописи как раз нет. Ж. Даррузес смог привлечь для своего издания более древнюю рукопись из Иерусалима, предка той, что обнаружил Гельцер. В основном же он последовал за Гельцером, восстановив документ в четырех частях (на значительно расширенной рукописной базе для каждой части). И все же, внимательный читатель предисловия Даррузеса к Not. 7 обнаружит в нем некоторые сомнения относительно предлагаемой реконструкции, которые лишь усугубились в его позднейшей работе. Я считаю, что эти сомнения были основаны на верных наблюдениях, но в конечном итоге не подтверждены. Я начну с краткого обзора тех доводов, которые заставили Даррузеса усомниться в собственной реконструкции, а затем попытаюсь разработать контраргументы с целью отстоять связность и единство Not. 7, хоть и в слегка видоизмененных хронологических рамках.

1. Сомнения Ж. Даррузеса.

Текст Not. 7 в издании Ж. Даррузеса начинается с имени ее инициатора, патриарха Николая Мистика: Νικόλαου πατριάρχου τοῦ παλαίου (ст. 1). Эта фраза представляет собой, однако, чтение единственной рукописи (L), одной из шести, которое является вторичным даже в той ветви, к которой эта рукопись принадлежит. Две других рукописи той же ветви (DE) содержат лишь краткое

указание τοῦ αὐτοῦ (того же патриарха), которое L развила в соответствии с тем фактом, что предыдущий акт принадлежал Николаю Мистикю. Остальные три рукописи, использованные Даррузесом для своего издания, не содержат указания на автора нотии. Таким образом будущий издатель нотии должен будет отбросить первую строчку текста Даррузеса: заглавие списка L нельзя приписать оригинальной нотии, которая, во всяком случае, не могла описывать Николая I как «древнего» (τοῦ παλαιοῦ). Не спорю, однако, что атрибуция Not. 7 Николаю Мистикю находит поддержку в рукописной традиции, хоть и не столь явную, как полагал Даррузес.

Вступление к Not. 7 приписывает эту ревизию церковной табели о рангах совместной инициативе неназванного патриарха и столь же анонимного императора. Точно так же как первый всегда определялся как Николай Мистик, отождествление второго со Львом VI Мудрым никогда не ставилось под сомнение. Для Гельцера нотия находит свое логичное место среди законов и прочих нормативных документов, опубликованных Львом VI. Но он также впервые показал, что церковная нотия, которая в самом деле дошла до нас под именем Льва Мудрого, не только не имела ничего общего с издаваемым им текстом, но и была составлена два столетия спустя после правления Льва [40, р. 549]. Сходным образом заключение Даррузеса относительно атрибуции и датировки Not. 7 граничит с парадоксом: «Хотя ни одна нотия не содержит имени патриарха Николая, а та, что несет на себе имя Льва Мудрого, является апокрифом (...), нет никакого сомнения, что нотия 51 митрополита (...) и 51 архиепископа (...) является той, которая соответствует указу, опубликованному в первое патриаршество Николая, в царствование Льва VI, в 901-907 гг.» [1, р. 55]. Такого рода логика ни к чему не приводит, что Даррузес хорошо осознавал.

Первым камнем преткновения для датировки текста царствованием Льва VI стало упоминание, под началом митрополита Камахского в Армении, кафедры Романуполя (ст. 666), крепости, основанной Романом Лакапином. Гельцер счел это поздним дополнением к нотии, так как Романуполь, наряду с двумя последующими викарными епископами Камахи, отсутствует в адаптации Not. 7 середины X в., т.н. Νέα Τακτικά с 53 митрополитами [40, р. 565]. С Гельцером не согласился Даррузес. Он выявил еще одну, более раннюю адаптацию, в которой к исходному списку 51 митрополита добавлен только один, Амастридский; в третьей части этого документа, где перечислены викарные епископы, Романупольский и два последующих епископа также отсутствуют. Оба текста привлечены Даррузесом как рукописи P и N в его издании Not. 7, и я бы затруднился возвести их к общему предку, отличному от архетипа. Тем не менее, Даррузес считал, что пропуск Романуполя был случайным и что эта епархия, засвидетельствованная в большинстве списков, принадлежала если не к архетипу нотии как таковой, то по крайней мере к архетипу всех сохранившихся списков викарных епископов, контаминированному в источнике

[1, p. 305]. Однако я не нашел у Даррузеса четкого доказательства подобной общей контаминации. Случайный пропуск ключевого хронологического индикатора в двух независимых свидетельствах маловероятен, особенно если учесть тот факт (который Даррузес во внимание не принял), что речь идет о двух древнейших адаптациях исходного документа. Признавая вместе с Гельцером появление Романуполя за вставку, мы должны будем ее объяснить, учитывая, что Романуполь был основан, вероятно, вскоре после подчинения эмира Мелитены Империи в 927 г. и, в любом случае, до аннексии этого региона в 934 г.²²

В более поздней работе Даррузес явно колебался относительно датировки Not. 7; там он показал, что первым митрополитом Евхайты был не Феодор Сантаварен, приспешник Фотия, а Филарет, чьи печати называют его сначала архиепископом, а затем митрополитом Евхайты. Этому Филарету было адресовано письмо Александра Никейского от 945-946 гг. Поскольку Евхайта записана в Not. 7 как митрополия (ст. 51), датировка этого текста периодом до смещения Николая Мистика Львом VI в 907 г. будет означать, что Филарет оставался в своей епархии, сначала как архиепископ, а затем как митрополит, на протяжении более 40 лет. Даррузес утверждал, что такой длительный срок, быть может, и допустим, но в том же исследовании, говоря о Not. 7, писал с иронией о «тех, кто стремится обязательно установить дату, иногда с точностью до дня, этих более и менее официальных компиляций». Более того, он высказал идею, что список митрополитов и список викарных епископов могут быть разновременными – предположение, которое подрывает логику их презентации в его собственном издании как единой нотиции [42, p. 215-221 (avec n. 37), 213 (цитата)].

Сомнения, вызванные списками митрополитов и викарных епископов, будут усилены ниже указанием на один элемент в списке архиепископов, который находится в еще большем противоречии с традиционной датой Not. 7. Он предоставляет нам, однако, твердый *terminus post quem* и тем подводит к альтернативной датировке документа.

2. Языческая церемония в Константинополе.

Два письма патриарха Николая Мистика, Ер. 66-67, посвящены позорной истории проведения языческих церемоний при участии высших должностных лиц византийского двора. Быки, собаки и овцы были забиты в ходе церемонии, в которой патриарх усмотрел языческое жертвоприношение;

²² Исследование Е. Хонигмана [41, p. 85-123] мне кажется неудовлетворительным в отношении как локализации Романуполя (слишком далеко к востоку), так и датировки его основания (после 934 г.). Аннексия Мелитены спровоцировала возрождение епархии Армении I, которая пропущена в Not. 7 как запустевшая (как в Not. 3 ранее). После аннексии не было смысла присоединять Романуполь, находившийся на территории Мелитены, к отдаленной Камахе, а не к епархии Мелитены.

состоялся обмен клятвами, и договор с варварами был утвержден. Письма не содержат имени адресата, высшего чиновника, несущего личную ответственность за позорное событие, которого патриарх призывал в первом письме добровольно принести покаяние. Обосновывая этот несколько неожиданный призыв, патриарх писал о награде, которая ждет тех, кто подвергает себя церковному наказанию по собственной воле. Из второго письма вытекает, что именно так все и произошло. Не желая отправиться ко двору лично, Николай направил туда трех митрополитов, которые наложили легкое (не описанное в письме) наказание на провинившихся, к величайшему облегчению патриарха. Ратификация договора с язычниками по обряду, который те признавали для себя обязывающим, являлась реально-политической необходимостью, и церковные иерархи вынуждены были с этим считаться, как бы сильно им этот обряд ни претил. Наиболее известны договор Льва V с болгарами и договоры X в. с Русью, в которых наблюдается сочетание христианских и языческих обрядов; богословское осмысление проблемы восходит к хорошо известной Ер. 46 бл. Августина. Однако богословский аспект описанного Николаем события интересует нас меньше, чем его хронология и идентичность его главного действующего лица.

Подоплеку описанной церемонии определил В. Грюмель; он идентифицировал варваров как печенегов (а не болгар, как предлагалось ранее), а договор как заключенный Иоанном Вогой после опустошительного нападения царя Симеона на Византию зимой 913/914 г. [43, р. 82-92]. Согласно Продолжателю Феофана, имперские власти отчаянно искали способ отразить следующее нападение болгар, когда Иоанн Вога предложил обеспечить союз с печенегами в обмен на возведение его в ранг патрикия. Он получил этот ранг, был снабжен достойными дарами, отправился к печенегам и заключил союз, приведя заложников в Константинополь. Продолжатель Феофана повествует об этих событиях в беглой последовательности, перед описанием визита армянского царя Ашота II и предательской сдачи Адрианополя Симеону армянином Панкратукой, точно датируемой сентябрем 914 г. [44, р. 387]. Эта дата указывает, что Иоанн Вога быстро завершил свою миссию – его план был явно подготовлен заранее – и что письмо Николая следует датировать летом 914 г. Грюмель, однако, наметил более медленный ход событий, предполагая, что Иоанн, вероятно, только вернулся из своей миссии в 915 г. и что протест Николая следует датировать 916 г. Эта схема была одобрена издателями писем Николая, Дженкинсом и Вестеринком, которые явно не сознавали, на каких презумпциях строил свою аргументацию Грюмель.

В первом письме (Ер. 66) Николай заявляет, что новости о языческой церемонии дошли до него как слухи. Это, должно быть, и объясняет, почему Грюмель был так твердо уверен, что эта церемония происходила вдали

от Константинополя, в стране печенегов, где у Иоанна Воги не было иного пути, как следовать их обрядам. Повинуясь этой логике, Грюмель отвергает связь (а вовсе не упускает ее, как заявляют Дженкинс и Вестеринк [43, р. 9; 45, р. 554]) между Ер. 66 и Ер. 67, а ведь именно это второе письмо дает понять, что не один придворный архонт, а многие заслуживали епитимии. (Трудно принять всерьез гипотезу Грюмеля, что грех их, в данном случае, заключался не в участии в языческой церемонии, а в том, что много лет спустя они отреклись от патриарха Николая). Если же восстановить связь между обоими письмами, то не остается сомнений в том, что церемония происходила в Константинополе, где в ней участвовали многие высшие чиновники наряду с представителями печенегов, с теми, конечно, кого Продолжатель Феофана назвал заложниками. И церемония, и письма могут быть датированы летом 914 г., а тогда робость Николая в наложении церковного взыскания и его нежелание явиться ко двору лично находят готовое объяснение. Всего лишь за несколько месяцев до этого императрица Зоя в ярости выставила его из дворца и приказала заниматься делами «своей собственной церкви», т.е. не вмешиваться в политику [44, р. 386]. Положение Николая было весьма шатким, но в отличие от 907 г. он предпринял попытку избежать открытого столкновения.

Дженкинс и Вестеринк идентифицировали адресата Ер. 66-67 как Константина Паракимомена, влиятельного министра при дворе, которому патриарх Николай однажды послал письмо с соболезнованиями [45, р. 553, со ссылкой на 46, р. 164, п. 2, где эта точка зрения никак не обоснована]. Это вряд ли является аргументом, и вопрос остается открытым. Однако следующее письмо в своде, хотя также лишенное имени адресата, ведет нас, как я полагаю, к однозначному ответу. Николай поздравляет в нем губернатора Херсона с благополучным прибытием к месту службы после некоторых сложностей в дороге. Патриарх пишет также об отправке нового архиепископа в Херсон, которому он велел заехать (еще до того, как тот занял «свой трон»!) в Хазарию для рукоположения священников, после того как местное население отправило делегацию с жалобой, что их некому наставить в истинной вере. Николай просил губернатора поддержать архиепископа как в его миссионерской деятельности, так и позднее в Херсоне. Упоминание о Хазарии в этом контексте создало путаницу, так как заезд в Хазарский каганат, обращенный к тому времени в иудаизм и враждебный Византии, мог принести архиепископу только мученический венец. Мы рассмотрим вопрос, что это была за Хазария, разрешив проблему хронологии. Все комментаторы видят связь между Ер. 68 и Ер. 106, в которой Николай хвалил архиепископа Херсонского за его «рвение ради заблудшего народа, почти похищенного злым демоном из лона благочестия»; его миссионерские усилия были столь успешны, что патриарх теперь считал

этот народ достойным иметь собственного архиепископа. Ер. 106 датирована точно. До похвалы в ней содержится суровый упрек за то, что адресат не присутствовал на синоде Единения в июне – июле 920 г.; таким образом письмо могло быть написано поздним летом или ранней осенью 920 г., до закрытия навигации. Что же касается Ер. 68, то Дженкинс и Вестеринк датировали ее 919 / первой половиной 920 гг., отводя всего несколько месяцев (не учитывая медленность сообщений) на миссионерскую деятельность, которая вывела Хазарию из состояния «заблудшего народа», лишённого священников, до статуса архиепископства. Подобный график должен быть рассмотрен, а затем отброшен как слишком сжатый.

Дукой Херсона в конце 910-х гг. был Иоанн Вога. Как мы узнаем из Ер. 9 Николая царю Симеону от конца августа / начала сентября 917 г., Иоанн Вога занимал эту должность, идеальную для сношений с печенегами, накануне сражения при Анхиале. Если он еще не был дукой Херсона до договора 914 г., то его должны были назначить вскоре после заключения договора. Основная причина поражения Византии при Анхиале состояла в неспособности печенегов, приведенных Иоанном Вогой, перейти Дунай и вступить в бой. Однако особое расследование, проведенное сенатом, показало, что Иоанн не был виновен в поражении, вся вина была возложена на Романа Лакапина, который командовал флотом [44, р. 390]. Дженкинс и Вестеринк считают, что Ер. 68 была адресована преемнику Иоанна на посту дуки; датируя ее временем после марта 919 г., они предполагают, что Иоанн, полностью оправданный, сохранил свой пост в Херсоне и что его карьера, должно быть, закончилась вскоре после прихода Романа к власти. Но эти вполне разумные соображения не служат аргументом в пользу идеи, что Ер. 68 была адресована преемнику Иоанна Воги, а не ему самому, и в пользу того чрезвычайно жесткого графика для миссионерской деятельности архиепископа в Хазарии, который создают издатели писем.

Я считаю, что три соседних письма, Ер. 66-68 в своде Николая Мистика, были отправлены одному и тому же адресату, патрикию Иоанну Воге, инициатору договора с печенегами, который и отвечал за церемонию ратификации. Патриарх был не вправе бросить тень на столь необходимый политический акт, и ему оставалось только просить виновного о добровольном покаянии. Позднее тот оказался способен помочь архиепископу Херсонскому в выполнении его миссии в Хазарии, причем не в своем официальном качестве – дука Херсона располагал лишь номинальной властью, но не войсками, – а именно благодаря своим связям с печенегами, которые, как мы увидим, контролировали регион. Ер. 67 была написана через несколько дней после Ер. 66, а Ер. 68, вероятно, несколько месяцев спустя после Ер. 67. Миссия архиепископа в Хазарию началась осенью 914 г. или весной 915 г., а к лету 920 г. принесла плоды, о которых повествует Ер. 106.

3. Крымская Хазария и Фульское архиепископство в Not. 7.

Упоминание Николаем Хазарии вызвало некоторую путаницу, но новейшие комментаторы признают, что речь не может идти о Хазарском каганате, и помещают Хазарию в Крыму [например: 47, с. 364; 48, р. 44-70]²³. В написании *Gazaria* это географическое название часто применялось с XIII в. к территории итальянской колонизации на юго-восточном побережье Крыма, а иногда распространялось и на Золотую Орду [49, с. 116-118]. Параллельное византийское словоупотребление можно найти у Иоанна Скилицы: он упоминает восстание Георгия Цулы, которое заставило отправить в январе 1016 г. флот в Хазарию, страну, чьим архонтом был Георгий [50, р. 354]. Несколько печатей показывают, что протоспафарий Георгий Цула занимал в начале XI в. должность стратига Херсона, и именно там-то ученые и локализовали восстание, упомянутое Скилицей, невзирая на тот факт, что ни один источник не называет Херсон и его окрестности Хазарией. Затем вновь обнаруженная печать подсказала иное решение. На ней фигурирует протоспафарий Георгий Цула, очевидно, тот же, что и на печатях из Херсона, с титулом «Боспорский», Πο<σ>φόρ(ου). Этот титул может только указывать на пост стратига Боспора Киммерийского, внесенный в Эскуриальский тактикон²⁴. Если Георгий Цула на всех печатях является одним и тем же лицом, то он, должно быть, был переведен из Херсона на Боспор (и этот перевод, который вряд ли можно расценивать как повышение, мог стать причиной его мятежа). Тогда Хазария и у Скилицы обозначает Восточный Крым, эквивалент *Gazaria*.

Патриарх Николай применял наименование Хазария к тому же региону еще в 914 г., и это раннее словоупотребление служит аргументом против общепринятого объяснения наименования *Gazaria* как воспоминания о Хазарском каганате. В начале X в. каганат был мощным и близким соседом, и для Крыма иметь свою Хазарию означало иметь своих хазар. Ими могли быть только хотциры (*Khotziroi*), которых Not. 3 помещала в Крыму за столетие до Николая Мистика.

Территория, заселенная хотцирами (*Khotziroi*), племенем, среди которого раздел 37 в Not. 3 поместил одного из епископов Готской епархии, располагалась, согласно пояснительной приписке к этому разделу, рядом с Фулами и тоῦ Χαρασίου. Это последнее название там же правильно переведено (с тюркского

²³ С.А. Иванов усматривает в «заблудшем народе» крымских алан (чье существование в X в. будет трудно доказать) и устанавливает связь между имевшими место при Николае миссиями в Крыму и в Алании, которую я считаю необоснованной [35, р. 182-183].

²⁴ Эта новая печать была опубликована и прокомментирована И.В. Соколовой [51, с. 68-74; 52, с. 103-116 (с примечаниями)]. Точку зрения Соколовой поддержал В.П. Степаненко [53, с. 125-129]. Г.Г. Литаврин недавно попытался вернуть восстание Цулы назад в Херсон [54, с. 215-223 (с подробной библиографией)].

Кара-су) как «Темная вода». Кара-су, основной приток Салгира, ограничивает восточную часть Крымского полуострова. Что же касается локализации Фул, споры, которые исчерпали все разумные и менее разумные варианты, привели к их почти единогласному размещению на Тепсене, к западу от Феодосии [55, с. 212-218]. Эта часть Восточного Крыма, наряду с расположенным на самом востоке Керченским полуостровом, была плотно заселена в VIII в. новым населением, описанным археологами как болгаро-тюркское. Его прибытие явилось результатом хазарского завоевания, и его «материальная культура» была определена И.А. Барановым как крымский вариант салтово-маяцкой культуры, наиболее выразительной для Хазарского каганата [56].

Я не первый заметил, что это новое население носило племенное название хотциры [56, р. 139-140] и предположил, что от хотциров Not. 3 пошло название Хазария, применявшееся позднее к территории их расселения [33, р. 98; 57, р. 72; 48, р. 61-62]. Более того, в русских летописях слово хазары пишется через *о* в первом слоге (козаре), а в армянских текстах через *і* во втором слоге (Хазірк'). Это комбинированное свидетельство подтверждает, что название хотциры в Not. 3 не обозначает племя родственное или союзное хазарам, а является вариантом написания самого названия хазары, образованным редактором нотиции или его информатором со слуха. Этот аргумент имеет решающее значение для столь обсуждаемого вопроса об этнической идентичности хазар. Археологи склонны относить знатные захоронения к «этническим» хазарам и приписывать «массовый» материал болгарам, аланам или алано-болгарам. Тюркские мигранты в Восточный Крым, которые с конца VIII в. селятся также и в западной части полуострова, описываются, соответственно, как «болгарские союзники хазар» [58, р. 422-423 (с дополнительными ссылками)], так как материал из их поселений и захоронений достаточно сер и непримечателен. Здесь меня, однако, интересует не атрибуция ранних богатых захоронений и не поиск «подлинных» хазар. Я хочу лишь подчеркнуть, что этническая идентификация хотциры-хазары была закреплена за «тюрками»-мигрантами в Крым уже в Not. 3 ок. 800 г. Эта идентификация отличает их в нотиции от гуннов и оногуров, племен, заселявших территорию каганата до хазарского завоевания. В период, близкий к появлению салтово-маяцкой культуры, тюркские переселенцы в Крыму воспринимались как хазары их греко-говорящими соседями и, вероятно, даже ими самими, независимо от их особых корней (хазарских, барсильских, болгарских и т.д.). Их этническая идентичность была достаточно сильной, чтобы название Хазария осталось за территорией их поселения на будущие века. Следовательно, насколько этническая атрибуция археологических находок вообще имеет смысл, и крымский вариант салтово-маяцкой культуры, и вся эта культура в целом могут определяться как хазарские без кавычек и оговорок.

Решение Николая Мистика назначить архиепископа для этого народа

является для моей аргументации ключевым. Он доверил архиепископу Херсонскому выбор «архиерея, который должен жить среди них» и наказал ему отправить кандидата в Константинополь для рукоположения. Намерение патриарха лично рукоположить нового «пастыря для стада, которое до сих пор было некому пасти», не оставляет сомнений относительно архиепископского звания нового архиерея. Только одно новое архиепископство было создано в Восточном Крыму в рассматриваемый период: Фулы. Это название впервые упоминается ок. 800 г. в Not. 3, где им обозначен регион расселения хотциров, называвшийся во времена Николая Хазарией. Согласно Житию Иоанна Готского начала IX в., в Фулах в 780-х гг. содержался в заключении Иоанн по приказу хазарского кагана. В 861 г. Константин Философ посетил Фулы по пути к хазарскому кагану или возвращаясь после встречи с ним; он убедил местных жителей срубить их священное дерево, называемое Александр. Для настоящей дискуссии важно, что поклоняющиеся дереву, которых наставил Константин, были не язычниками, а нерадивыми христианами, которых было легко убедить отказаться от греховной практики. Этот образ близок представлению Николая о «заблудшем народе, почти похищенным злым демоном из лона благочестия». Это также согласуется с указаниями Not. 3, что христианство достигло этого региона к 800 г. Решение, объявленное Николаем летом 920 г., могло, следовательно, касаться только создания Фульского архиепископства. Оно превращается в *terminus post quem* для Not. 7, в которой это архиепископство упомянуто в самый первый раз (ст. 99).

4. Пересмотр церковной таблицы о рангах как следствие Единения.

Новая временная граница для составления Not. 7 прежде всего позволя-ет определить событие, которое дало к тому толчок. Патриарх осуждает в своем вступлении позорные перебранки на собрании верховных церковных иерархов, когда представители бывших папских епархий толкали своих восточных коллег, чтобы занять места, которые они считали для себя достойными, а те толкали их вспять с неменьшей силой. Это неотожествленное до сих пор собрание явно происходило после долгого промежутка времени, в течение которого митрополиты не встречались, и теперь оно может быть определено как синод Единения июня – июля 920 г. Далее во вступлении указывается, что новая табель о рангах была согласована позднее, когда патриарх, император и митрополиты собрались в церкви св. Ирины, дабы отпраздновать память почтенных патриархов (τὴν τῶν ἀοιδίμων πατριάρχων μνήμην). Этот праздник тоже не был до сих пор отождествлен. Однако единственное праздничное событие, которое сводило патриарха и императора в церкви св. Ирины, было, согласно Книге церемоний, празднование Единения в июле [59, р. 174]. Я не сомневаюсь, что Николай описывает, используя наименование,

которое в позднейшей традиции не сохранилось, первую такую церемонию в июле 921 г. Это было подходящее время для поправления урона, который был нанесен годом ранее. Что же касается наименования праздника, то нужно напомнить, что для Николая основой Единения было определение списка «чтимых» патриархов, а точнее – исключение из этого списка одного, который не заслуживал торжественного поминовения, его соперника «анти-патриарха» Евфимия. Этот взгляд на событие изменился вскоре после смерти Николая, когда имя Евфимия было восстановлено в диптихах.

Новая датировка Not. 7 позволяет предложить решение старой проблемы, касающейся епархии Халдии. Вслед за В. Грюмелем и другими, Ж. Даррузес представил и проблему, и ее традиционное решение в одной из своих последних опубликованных работ [42, р. 210-215]. В Not. 7 Трапезунд является митрополией епархии Лазика (ст. 556), почетно помещенной во второй трети списка митрополитов, как и подобает этой древней епархии (ст. 33). В своде писем Николая, однако, митрополит Василий Трапезундский, адресат Ер. 114 и 128, представлен как митрополит Халдии, и то же название обозначает эту епархию в тексте Ер. 74. Все три письма датированы издателями, которые следовали за Регестами Грюмеля, между 913 и 919 гг., т.е. позднее традиционной даты Not. 7. Трапезунд был столицей фемы Халдия, и потому Даррузес и его предшественники вынуждены были предположить, с некоторым удивлением, что Николай предпочитал светскую номенклатуру официальному названию епархии в нотиции, которую сам же он и составил. Это объяснение маловероятно, и можно показать, что в нем нет необходимости.

В старой традиции, восходящей к протонотиции и отраженной в Not. 1-4 Даррузеса, епархия Лазика с митрополией в Фазисе соответствовала реальной Лазике на восточном берегу Черного моря, тогда как Трапезунд был всего лишь викарным епископством Полемонийского Понта. Однако списки Седьмого Вселенского Собора 787 г. указывают на любопытное новое явление. Митрополит Христофор Лазийский, идентифицированный как τοῦ Φάσιδος в Списках АВСЕ, фигурирует как Τραπεζοῦντος в последнем Списке F. Эта последовательность, которая породила сочетание τοῦ Φάσιδος ἤτοι Τραπεζοῦντος в пересмотренном Списке D, была правильно интерпретирована как указание на то, что вакантная епископская кафедра Трапезунда была отдана Христофору во время Собора [9, р. 45; 42, р. 211]. Этот перевод, несомненно, связан с тем, что византийский митрополит Фазиса был изгнан со своей кафедры. Это событие должно быть соотносено с завоеванием абазгами (абхазами) Лазики-Егриси, что вывело ее из состава Византии в 770-х или 780-х гг. [60, с. 213-218]²⁵. Таким образом дата Собора дает нам *terminus ante quem*

²⁵ Предположить, что Христофор был назначен митрополитом Фазиса *in partibus*, с неясными перспективами на занятие престола, было бы для VIII в. анахронизмом.

для этого завоевания, а тем самым и для окончательной эмансипации, политической и церковной, Авазгии (и, как следствие, Лазики) от византийской зависимости. Но, как указывал Даррузес, единичный случай с Христофором не сделал Трапезунд митрополией. В IX в. Not. 2 и 4 по небрежности помещают Трапезунд как на своем старом месте викарного епископства, так и среди архиепископств (Not. 2, ст. 296 и 78; Not. 4, ст. 251 и 75) [42, p. 211-212]. Те же нотии подчиняют епархию Лазики/Фазиса Константинополю, что в IX в. являлось анахронизмом. Затем, на следующем этапе, Not. 6 (список митрополитов) помещает одновременно митрополита Фазиса в Лазике (ст. 27) и митрополита Трапезундского ближе к концу списка, что указывает на вновь созданную кафедру (ст. 34). Таким образом возвышение Трапезунда, столицы Халдии, до статуса митрополии изначально не имело ничего общего с Лазикой. Однако Not. 7 показывает примечательное устройство, о котором, должно быть, митрополиты договорились летом 921 г. Тогда как Лазика должна была быть удалена из обновленной нотии вместе с другими устаревшими епархиями, митрополиту Халдии было дозволено сохранить за собой эту деноминацию, выигрывая тем самым несколько позиций в нотии. Номенклатура Ер. 74, 114 и 128 Николая Мистика отражает ту же реальность, что и Not. 6, когда Трапезундская епархия была отличной от Лазики. Номенклатура же Not. 7 – столь же новая и искусственная в этом случае, как и включение Исаврии под именем Памфилии (см. выше). Совершенно очевидно, что Not. 7 следует датировать позднее, чем письма Николая Мистика.

Это обращение к искусственной номенклатуре помогает объяснить отсутствие архиепископа Алании в Not. 7. История обращения Алании известна, главным образом, из писем Николая Мистика, которые довольно хорошо датированы. Группа монахов вела миссионерскую работу в стране до 912 г., и Николай поздравил их с достигнутым вскоре после своего возвращения на престол (Ер. 78). Архиепископ был отправлен в Аланию в 914 г. или в 915 г., в период полуопалы Николая (Ер. 52). Он был сильно подавлен местными условиями, а затем, еще в большей степени, возвращением монахов-миссионеров, с которыми он не ужился. Письма Николая Петру, архиепископу Алании, содержат советы и утешение и датируются ок. 915-918 гг. (Ер. 53, 118, 133-135). Два письма патриарха царю (exousiastes) Абазгии 914-917 гг. содержат просьбу оказать содействие архиепископу (Ер. 46, 51) [см. недавнее исследование: 61, p. 187-192]. Византийское духовенство было изгнано из Алании ок. 932 г., когда эта страна была вынуждена вновь подчиниться хазарам [62, p. 254-255], но в 921 г. оно, без сомнения, там находилось. Отсутствие Аланского архиепископа в Not. 7 можно, на мой взгляд, объяснить таинственным присутствием архиепископа Севастополя в Абазгии (ст. 100). Это древнее архиепископство фигурирует в нотиях, начиная с самой первой, но в полностью пересмотренной Not. 7, оказывается единственным очевидным анахронизмом.

Как мы уже видели, церковь Абазгии утвердила свою независимость от Константинополя еще в 780-х гг.²⁶ Более того, внесение в Not. 7 одного архиепископства для страны, где архиереев было несколько, было бы столь явной аномалией, что не могло бы служить доказательством реинтеграции Абазгии в византийскую церковную структуру [60, р. 95-97]. Еще один ключ представляет тот факт, что Севастополь исчезает из обновленной версии Not. 7 середины X в., Νέα Τακτικά. Для М. Гельцера это «явная описка», для Ж. Даррузеса это отражение «новой ситуации», признак растущей эмансипации Абазгии от Византии – для историков, которые не объясняют, почему проявление этого признака задержалось до середины X в. [40, р. 560; 1, р. 57; ср. 60, с. 96]. Я считаю, что Севастополь в Not. 7 был не частью Абазгской церкви, которая уже более века не подчинялась Константинополю, а номинальной кафедрой архиепископства Аланского, своевременно удаленной, когда Алания перестала быть христианской.

Собрание в церкви св. Ирины утвердило табель о рангах для митрополитов и архиепископов, тех, кто мог бороться за место в постоянном синоде, на патриаршей литургии или на приеме. Викарные епископы, редко собиравшиеся вместе, рассаживались и подавали голоса в соответствии с рангом их митрополита [40, р. 549-550]. Однако Not. 7 отражает гораздо более амбициозное предприятие, состоявшее в первой систематической ревизии списков епископских кафедр после протонотиции VII в. Подобный пересмотр требовал дополнительных расследований, вероятно, в форме запросов, направленных каждому митрополиту, относительно реального состава кафедр митрополии; ответы сличались со списками, доступными в синоде. Заглавие Not. 7 в древнейшей иерусалимской рукописи описывает ее как результат «синодальной инспекции» (ἕκ συνοδικῆς διασκέψεως); будь то догадка или достоверная информация переписчика, нет сомнения, что это описание отражает процедуру составления документа. Впрочем, на подобное обследование потребовалось бы не более года, и оно не противоречит идее Гельцера о единовременности всех трех частей Not. 7. Несколько рукописей указывают в заглавии, что табель (taxis) хранилась в патриаршем архиве (chartophylakeion) [1, р. 272]. Это указание важно для понимания ранней эволюции текста. Патриаршая канцелярия изначально пыталась актуализировать текст. Романуполь и два других викарных епископства Камахи, добавленные в конце 920-х или в начале 930-х гг., похоже, стали первым обновлением, и это еще один довод в пользу того, что

²⁶ Попутно отмечу, что Севастополь, представленный на Седьмом Вселенском Соборе [9, р. 49], должен был быть возвращен в Армению II вместе с соседним Никополем, следуя *communis opinio*. Ламберц размещает указанные кафедры в Абазгии и Фракии соответственно, однако присутствие в соборных актах двух новых армянских архиепископств объяснить нетрудно. Утратив свою митрополию Севастию, которая попала в руки арабов, обе епископские кафедры автоматически стали «автокефальными».

исходную нотицию следует датировать началом 920-х гг., а не двадцатью годами раньше. Официальный экземпляр продолжал правиться и позже, но все это время он мог быть скопирован, а частные копии затем пополнялись, главным образом в списках митрополитов и архиепископов, в обычном беспорядке.

«Маленькая вселенная» епископских нотиций.

В первых строках своего вступления к Not. 7 патриарх Николай Мистик использует прекрасный образ для ее описания. Высшие церковные должности вписаны в этот документ «будто собранные в некоей маленькой вселенной, легко доступные для обозрения желающему»²⁷. Нотиция является микрокосмом церкви, миниатюрной моделью ее размещения в пространстве. Моделью, которая в отличие от зеркала отражает не объективную реальность, а знания и компетенцию ее создателя.

Многие критические замечания в адрес Not. 3 касались отрыва от реальности содержащихся в ней списков, которые представляли «все, чего бы хотелось, кроме официального отражения реальных вещей» (Дюшен, цитируемый выше). Недавнее исследование распространило этот упрек на все нотиции. На вопрос, «какую реальность представляют эти списки», автор отвечает, что «они утратили связь с местной реальностью (...) еще в VII в.» [63, р. 144]. На эту оценку его вдохновили наиболее консервативные главы, касающиеся епархий западной Малой Азии, но даже и там столь радикальное суждение, вероятно, не соответствует истине. Как мы видели, разные нотиции отражают реальность в разной степени. Таким образом нотиции являются хорошим индикатором способности Константинопольской церкви познать саму себя в плане своего территориального охвата. Даже зарождающаяся в патриаршей канцелярии, «официальное отражение» отображало не «реальность вещей», а лишь ту реальность, которая была известна автору.

Если считать нотиции показателем степени осознания церковью своих составляющих элементов, то пробелы в познаниях составителя Not. 3 не менее поучительны, чем те разделы, где он проявляет компетентность. Эти пробелы характеризуют не столько его личную эрудицию, сколько скудность данных в патриарших архивах. Похоже, что ок. 800 г., при Тарасии, высшие клирики в Константинополе знали очень мало о некоторых епархиях, которые они считали своими. Когда же 120 лет спустя при Николае Мистике они создали новую модель своей вселенной, в их распоряжении оказались куда более надежные материалы.

Перевод с английского Н.И. Радочиной

²⁷ ὡσπερ τινὶ οἰκουμένην βραχέα συνεχόμενας καὶ τῷ βουλομένῳ ἀταλαίπωρως προφαινομένας

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Darrouzès J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
2. de Boor K. Analekten (I-III). Nachträge zu den Notitiae Episcopatum // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1891. 12; 1893. 14.
3. Gelzer H. Die kirchliche Geographie Griechenlands vor dem Slaweneibruche // Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. 1892. 35.
4. Duchesne L. Les anciens évêchés de la Grèce // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École Française de Rome. 1895. 15.
5. Lemerle P. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945.
6. Kountoura-Galakè E. Συμβολή στην μελέτη της βυζαντινής εκκλησιαστικής ιεραρχίας κατά την περίοδο της πρώτης εικονομαχίας // Byzantiaka. 1994. 14.
7. Kountoura-Galakè E. Η «εικονοκλαστική» Notitia 3 και το λατινικό πρωτότυπό της // Symmeikta. 1996. 10.
8. Prigent V. Les évêchés byzantins de la Calabre septentrionale au VIIIe siècle // Mélanges de l'École Française de Rome, Moyen Âge. 2002. 114.
9. Lamberz E. Die Bischofslisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II) (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Abhandlungen, phil.-hist. Klasse, NF Heft 124). München, 2004.
10. Laurent V. L'érection de la métropole d'Athènes et le statut ecclésiastique de l'Illyricum au VIIIe siècle // Études byzantines. 1943. 1.
11. Laurent V. La date de l'érection des métropoles de Patras et de Lacédémone // Revue des études byzantines. 1963. 21.
12. Kresten O. Zur Echtheit des sigillion des Kaisers Nikephoros I. für Patras // Römische historische Mitteilungen. 1977. 19.
13. Oikonomides N. St Andrew, Joseph the Hymnographer and the Slavs of Patras // ΛΕΙΜΩΝ. Studies presented to Lennart Rydén on his Sixty-Fifth Birthday. Ed. J.O. Rosenqvist. Uppsala, 1996. (Репринт в: Social and Economic Life in Byzantium. Aldershot, 2004, n° XXIV).
14. Yannopoulos P. Métropoles du Péloponnèse mésobyzantin: un souvenir des invasions avaro-slaves // Byzantion. 1993. 63.
15. Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, V, 1. Paris, 1963.
16. Jacob A., Martin J.-M. L'Église grecque en Italie (v. 650 – v. 1050) // Histoire du Christianisme, sous la direction de J.-M. Mayeur, L. Piétri, A. Vauchez, M. Vénard, IV: Évêques, moines et empereurs (610-1054), sous la responsabilité de G. Dagron, P. Riché, A. Vauchez. Paris, 1993.
17. Martin J.-M. Léon, archevêque de Calabre, l'Église de Reggio et la lettre de Photius (Grummel-Darrouzès n° 562) // EUPSYXEIA, Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler (Byzantina Sorbonensia 16). Paris, 1998.
18. Theophanes. Chronographia. Ed. C. de Boor. I. Leipzig, 1883.
19. Kountoura E. New Fortresses and Bishoprics in 8th-Century Thrace // Revue des études byzantines. 1997. 55.
20. Васильевский В.Г. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Труды. Петроград, 1915. Т. 3.
21. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. 3. Washington, D.C., 1996.
22. Gouillard J. La Vie d'Euthyme de Sardes (†831), une œuvre du patriarche Méthode // Travaux et Mémoires. 1987. 10.
23. Englezakis B. Cyprus, Nea Justinianoupolis // Englezakis B. Studies on the History of the Church of Cyprus, 4th-20th Centuries. Aldershot, 1995.

24. Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
25. Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bishofsliste. Berlin; New York, 1990.
26. Ioannou S. and M. The Position of Cyprus in the Episcopal Lists of the Seventh Ecumenical Council // Englezakis B. Studies on the History of the Church of Cyprus, 4th-20th Centuries. Aldershot, 1995.
27. Darrouzès J. Listes épiscopales du concile de Nicée (787) // Revue des études byzantines. 1975. 33.
28. Libri Carolini / Ed. A. Freeman, P. Meyvaert (Monumenta Germaniae Historica, Concilia, Supplementum I). Hannover, 1998.
29. Le Liber Pontificalis / Ed. L.Duchesne Paris, 1886 (2-е изд. – 1955).
30. Davis R. The Lives of the Eighth-Century Popes (Liber Pontificalis). Liverpool, 1992.
31. Auzépy M.-F. L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin. Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs 5), Aldershot, 1999.
32. Anastos M.V. The Transfer of Illyricum, Calabria and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732-33 // Studi Bizantini e Neoellenici. 1957. 9 (Silloge Bizantina in onore di S.G. Mercati) (Пепринт в: Studies in Byzantine Intellectual History. London, 1979. n° IX).
33. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge Mass., 1936.
34. Ромашов С.А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V-VII вв. // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1992-1994. 8.
35. Иванов С.А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
36. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar / Ed. C. Zuckerman (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 25). Paris, 2006.
37. Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
38. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
39. Zuckerman C. Two Notes on the Early History of the thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. 21. (Русскоязычный вариант статьи: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1).
40. Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum. (Abhandlungen der k. bayerischen Akademie der Wissenschaften, I. Cl., XXI, 3). München, 1900.
41. Honigmann E. Une «scala» géographique copte-arabe et l'emplacement de Romanopolis en Arménie // Honigmann E. Trois mémoires posthumes d'histoire et de géographie de l'Orient chrétien. (Subsidia Hagiographica 35). Brussels, 1961.
42. Darrouzès J. Remarques sur des créations d'évêchés byzantins // Revue des études byzantines. 1989. 47.
43. Grumel V. Sur les coutumes des anciens Bulgares dans la conclusion des traités // Известия на Историческото Дружество в София. 1937. 17 (Mélanges Zlatarski).
44. Theophanes Continuatus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.
45. Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink (CFHB 6). Washington, DC, 1973.
46. Jenkins R.J.H. A "Consolatio" of the Patriarch Nicholas Mysticus // Byzantion. 1965. 35. (Пепринт в: Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries. London, 1970, n° XIX).
47. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
48. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin

- d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. 1971. 5. (Репринт в: *Byzance: les pays et les territoires*. London, 1976. n° VII).
49. Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // *Византийский временник*. 1973. Т. 35. (Репринт в: *Русь, Италия и Византия в средневековье*. СПб., 2001).
 50. Ioannes Scylitza. *Synopsis Historiarum* / Ed. I. Thurn. Berlin; New York, 1973.
 51. Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // *Палестинский сборник*. 1971. Вып. 23(86).
 52. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. М., 1983.
 53. Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики // *АДСВ*. Вып. 26. Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992.
 54. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000.
 55. Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // *СА*. 1958. XXVIII.
 56. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
 57. Vernadsky G. *Byzantium and Southern Russia* // *Byzantion*. 1940-1941. 15.
 58. Aibabin A. On Byzantium's Northern Border: The Rural Population of the Mountainous Crimea in the 6th to 9th Centuries // *Les Villages dans l'Empire byzantin, IVe-XVe siècle* / Éd. J. Lefort, C. Morrisson, J.-P. Sodini. (Réalités byzantines 11). Paris, 2005.
 59. Constantin Porphyrogénète. *Le Livre des Cérémonies*, 45(36) / Ed. A. Vogt. I. Paris, 1935.
 60. Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. Сухуми, 1989.
 61. Alemany A. *Sources on the Alans. A Critical Compilation*. Leiden; Boston; New York, 2000.
 62. Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des études byzantines*. 1995. 53. (Украиноязычный вариант статьи: Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // *Ruthenica*. 2003. Т. 2; ср. Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // *Славяне и их соседи*. М., 1996. Вып. 6).
 63. Mitchel St. The Settlement of Pisidia in Late Antiquity and the Byzantine Period: Methodological problems // *Byzanz als Raum. Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraumes* / Eds. K. Belke, F. Hild, J. Koder, P. Soustal. Vienna, 2000.

Цукерман К.

**Политика Византии в Северном Причерноморье
по данным *Notitiae episcopatum***

Резюме

В статье рассматриваются нотиции Константинопольского патриархата, опубликованные Ж. Даррузесом [1]. Наиболее ранняя нотиция представлена в виде Not. 1. Этот документ дает достаточно полный перечень не только митрополичьих и архиепископских, но и епископских престолов, митрополия за митрополией, на середину VII в. Столь же полное и надежное их описание было проведено примерно 250 лет спустя, при патриархе Николае Мистике. Оно обрело форму Not. 7 в своде Даррузеса, которая рассматривается во второй части статьи. В промежутке производились частичные попытки актуализировать Not. 1. Наиболее амбициозной среди этих компиляций является Not. 3 свода Даррузеса, часто отмечаемая учеными как лишенная интереса частная фантазия. Первая часть статьи посвящена реабилитации этого документа.

Цукерман К.

**Політика Візантії в Північному Причорномор'ї
за даними *Notitiae episcopatum***

Резюме

У статті розглядаються нотиції Константинопольського патріархату, опубліковані Ж. Даррузесом [1]. Найбільш рання нотиція представлена у вигляді Not. 1. Цей документ надає досить повний перелік не лише митрополичих і архієпископських, але і єпископських престолів, митрополія за митрополією, на середину VII ст. Настільки ж повний і надійний їх опис був проведений приблизно 250 років опісля, при патріарху Миколі Містику. Він знайшов форму Not. 7 в труді Даррузеса, яка розглядається в другій частині статті. У проміжку були зроблені часткові спроби актуалізувати Not. 1. Найбільш амбітною серед цих компіляцій є Not. 3 Даррузеса, що часто відмітається вченими як позбавлена інтересу приватна фантазія. Перша частина статті присвячена реабілітації цього документа.